

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В.А. НОСКОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: noskov @bsu.edu.ru

В статье анализируются политико-культурные аспекты взаимодействия власти и общества. Автор показывает, что власть и общество воплощают собой целостную и одновременно разнородную реальность, конституирующуюся на основе принципа реляционности. В этой связи дается характеристика политико-культурного фактора как структурирующей силы общества.

Ключевые слова: власть, общество, интеракция, дискурс, политика, культура, интеграция, легитимация, идентификация, парадигма, архетип, технотип.

Политико-культурная характеристика взаимодействия (интеракции) власти и общества представляется значимой в силу того, что здесь затрагивается *качество социальной реальности*, к которому «привязываются», «пристегиваются», «присоединяются» иные ее характеристики, ориентированные на учет преимущественно *количественных показателей*. Например, соответствующие акценты в трактовке экономических законов или даже интенция на их сознательное принижение, либо частичное или полное игнорирование в решающей степени зависит от актуализированного на данный исторический момент типа (варианта) политики, который, в свою очередь, детерминирован культурой – ценностями и нормами, разделяемыми, по крайней мере большинством людей, живущих в данном обществе, ибо через ценностно-нормативное сито происходит восприятие и осмысление всего того, что связано, как в данном примере, с экономикой. Или, если взять проблему понимания места и роли права в жизнедеятельности общества, то она, несомненно, будет представлена множеством точек зрения, тяготеющих к одному из эпистемологических полюсов – апологии (защиты) права или аннигиляции (игнорировании) права. Но в любом случае это опять-таки будет определяться политико-культурным фактором, который по большому счету есть *власть*, рожденная, с одной стороны, обществом, а с другой – порождающая, поддерживающая и развивающая само общество и, таким образом, отвечающая за воспроизводство последнего как единого социального организма.

В этой связи проблема взаимодействия власти и общества требует широкой, или если угодно метафизической, трактовки, а не редуцироваться, не упрощаться, не сводится к узким, преимущественно институциональным подходам и интерпретациям. Ведь одно дело ассоциирование власти с *институтами* государственности и другое – с *идеями, принципами, регулятивами*, определяющими мировоззренческие ориентиры, поступки и поведение огромных масс людей и, таким образом, становящимися в данном контексте субстанциональной основой формальных (организационных) процессов институциализации, придающей последним либо устойчивый, долговременный и предсказуемый характер, либо делающей их ненадежным, хрупким и быстро преходящим явлением, зависящем от конъюнктуры сиюминутных исторических обстоятельств. Во втором случае могут иметь место два сценария развития – совпадение аксиологической, технологической и прагматической составляющих властного структурирования общества или же их расхождение, провоцирующее различного рода перекосы и дисбалансы в отношениях власти и общества, искушение подменить диалог монологом, разорвать единое социальное пространство на некие «самодостаточные величины», стремящиеся не к «единству», а к собственному «выживанию». Это, так сказать, констатация того, что есть (или может иметь место), того, что атрибутируется реальностью в аспекте интеракции власти и общества, являя собой ее объективную характеристику. Здесь все завязано на деперсонализации данного рода отношений, что, несомненно, должно дополняться их рассмотрением с позиций персонифицированного «заземления», реализующегося (по терминологии М. Вебера) в деятельности либо политиков по профессии, представляющих «официоз» – госу-

дарственную и партийную власть, либо политиков по призванию – ведущих деятелей науки и культуры, олицетворяющих «глас народа».

Исходя из вышеизложенного, представляется необходимым дать более развернутую характеристику политико-культурной реальности, которая воплощает собой ни что иное, как фактор упорядочивания, приведения к «нормам», «образцам», «стереотипам» различных проявлений человеческой активности с учетом специфики фундаментального предназначения каждой из его составляющих. Политика – это власть, основанная на жестких (директивных) технологиях управления обществом; культура же, напротив, олицетворяет власть, воплощающуюся в «мягких» (смыслоупорядочивающих) технологиях воздействия на данный объект. Вместе с тем выше обозначенные способы властного структурирования общества существуют не автономно, а взаимно предполагают друг друга, ибо они есть кратос – «власть», точнее две ее органически взаимосвязанные друг с другом ипостаси. Именно в политико-культурном факторе воплощается импульсация упорядочивающего плана, отвечающая за то, чтобы общественные структуры избежали перспективы разрушения, распада, «ухода в небытие». Отсюда непреложной истиной становится допущение, согласно которому властное упорядочивание, приведение общественных отношений к какому-либо «статус-кво» актуально в любую историческую эпоху, сохраняет непреходящую значимость для любого государственно-цивилизационного образования (сообщества).

Итак, политика – это телеологическое (с акцентом на директивность обозначенных и преследуемых целей), а культура – валюативное (с акцентом на смыслопорождающие ценности) упорядочивание социума, что позволяет трактовать их как взаимосвязанные *ипостаси власти*, каждая из которых имеет свою логику бытия. Логика политики в конечном счете сводится к *порядку внешнему*, тогда как логика культуры – к *порядку внутреннему*. Иначе говоря, успех (или провал) политики оценивается прежде всего по критерию «вширь», то есть с точки зрения масштабов охвата ее регулирующим воздействием многообразных форм и проявлений социальной активности, в то время как успех (провал) культуры определяется на основе критерия «вглубь», то есть с точки зрения укорененности ценностей в общественном и индивидуальном сознании, что является главным условием стереотипизации, предсказуемости опять-таки форм и проявлений социальной активности, восприимчивости человеческого материала к инновациям или же, наоборот, их отторжение на основе презумпций, искушений и обоснований традиционалистского толка. Таким образом, для политики имманентно то, что есть *качество-масштаб*, для культуры же органическим способом воспроизводства ее бытия и, соответственно, бытия всего общества можно считать *качество-укорененность*. Но в любом случае они являют собой две стороны одной медали, выступая как власть, которая, в свою очередь, нуждается в объекте приложения своего потенциала – обществе, ибо вне подобной соотносительности теряется смысл бытия самой власти, заключающегося в подчеркивании первичности ценности «для кого-то» и, соответственно, вторичностью ценности «для себя».

В свете обозначенных посылок власть и общество можно трактовать как гетерогенную (разнородную) реальность, которая конституируется на основе *принципа реляционности*, т.е. на базе признания их соотнесенности друг с другом, когда одно оппонирует по отношению к другому и в то же время предполагает это другое, ибо вне данной системы координат немислимо существование ни того, ни другого. Это, однако, побуждает к конкретизации, выявлению различных аспектов данной проблемы. Так, взаимодействие власти и общества можно рассматривать в аспекте асимметрии их влияния, субъектно-объектных отношений, дискурсивных практик и т.д. Подобные идеи, например, выдвигались и обосновывались М. Фуко, Х. Арендт, Н. Луманом, Т. Парсонсом, Ж. Френчем, хотя, следует согласиться с тем, что «на современные исследования власти, включающие как определение этого понятия, так и последующую концептуализацию, сильное влияние оказал М. Вебер»¹. В этой связи, как представляется, в рамках ставших классическими познавательных подходов напрашиваются следующие теоретико-методологические акцентировки.

¹ «Технология власти» (философско-политический анализ). М., 1995. – С. 14.

Если использовать метафору, то можно сказать, что политика и культура есть «питание» общественного организма, без которого, строго говоря, невозможен был его скачок от биологических к собственно социальным формам, механизмам и процессам (само)развития. Политику и культуру можно трактовать также в качестве субъекта – активной стороны реляции по сравнению с ее пассивной стороной – обществом. Последнему в этой связи отводится роль «объекта». И дело здесь не в поиске универсальной дефиниции общества или эвристически оправданных подходах, призванных объяснить, понять его природу, а в констатации факта самого существования данного качества. В этом отношении общество есть *собирательное понятие*, т.е. объединяющее все то, что наделяется статусом подчиненного по отношению к тому, чему следует подчиняться – власти. Когда, допустим, общество начинает воплощать собой власть (в силу конкретно-исторических обстоятельств, событий и перипетий), то последняя становится *абсолютной*, а не релятивной, т.е. руководствуется основополагающей ценностью «для себя», а не «для других». Однако подобная ценностная ангажированность власти делает ее непрочным и недолговечным феноменом с неизбежным логическим и историческим следствием выхода из подобной тупиковой ситуации – трансформацией власти в своего рода «отчужденный продукт» по отношению к обществу, являющейся одновременно и «естественным продуктом», претендующем в этой связи на роль востребованного в любое историческое время его фундаментального регулятора.

Из этого следует, что общество в ипостаси власти есть кратковременный (и нежелательный!) этап его исторического развития, ибо в рамках данного этапа по большому счету нет ни политической власти, ни духовной власти, а есть *социальная власть*, воплощающая собой силу стихии, заложенную в недрах общества, но не способную, однако, к обозначению имеющих непреходящее значение стратегических перспектив его развития, к формулированию четких правил игры, к очерчиванию предсказуемого поведения многих (если не большинства) людей и т.д. Социальная власть становится возможной лишь на фоне краха политической и духовной власти, когда фундаментальная регулятивная триада «потребности-интересы-ценности» редуцируется к монаде – одному регулируемому механизму, определяющемуся исключительно *потребностями*, что свидетельствует о деградации, примитивизации самого общества, его трансформацию в общество вседозволенности или, если угодно, суррогатное гражданское общество, не способное обуздать потребительские (основывающиеся на «естественных» потребностях) искушения. С одной стороны, это общество в чем-то напоминает гражданское общество, ибо здесь доминируют горизонтальные связи и отношения, но они, как уже отмечалось выше, опираются на свободу удовлетворения того, что выдается за «естественные потребности», к которым можно причислить и разумные и неразумные потребности, потребности, способствующие духовному возвышению человека и, наоборот, провоцирующие его духовную деградацию и т.д.

Итак, власть, с одной стороны, есть атрибут общества, а, с другой – сила, которая должна возвышаться над ним. Здесь хотелось бы подчеркнуть императивность данного факта, ибо, если исходить из того «что есть», а не из того, «что должно быть», то следует признавать легитимность социальной власти, которая как раз не возвышается над обществом, а сливается с ним. Но это неприемлемо и с точки зрения фактически сложившейся реальности (истории), и с точки зрения рафинированной, очищенной от «второстепенных» фактов реальности (логики), ибо и в том, и в другом случае оправдывается само *разрушение социального порядка*, когда уже не важно, постоянный или кратковременный характер имеет данное (в условиях доминирования социальной власти) статус-кво власти. Следовательно, политика и культура возвышают власть, тогда как ее социализация (растворение в обществе), продуцирует весь «набор» проблем, и, более того, делает их в значительной степени неразрешимыми. Разрешить эти противоречия становится возможным лишь на основе *вмешательства извне*, то есть со стороны *политической власти*, представленной, прежде всего, государством, которое, в свою очередь, может опираться на требования действующего *права* или же интериоризированные (усвоенные) ценности *культуры*.

С позиций «высокой абстракции» политико-культурный фактор как олицетворение власти не сливается, а возвышается над обществом, что, однако, представляется не-

достаточным, если исходить из когнитивной установки идти «вглубь», то есть апеллировать к «приземленной абстракции», позволяющей обогатить в содержательном отношении разработку и понимание данной проблемы. Здесь в, частности, обозначается такой аспект коммуникации (общения), как «речь» власти, обращенная к обществу и подразумевающая структурирование последнего по определенным цивилизационным и историческим канонам. Несомненно, что сама эта «речь» подчинена определенной логике. Термин «логика», как известно, происходит от греческого слова «логос», первоначально подразумевающего закон, основу мира, его порядок и гармонию². В данном контексте логос (логика) есть механизм упорядочивания общества с использованием традиционных и инновационных, инвариантных и вариативных, глобальных и локальных способов, методов и средств. Логика – это модальность, требование к носителю «речи» – власти, порожденное цивилизационными и конкретно-историческими обстоятельствами.

Дискурс («речь») власти подчиняется общей логике, которая не существует «вообще», а проявляется через «частные» логики, т. е. конкретные механизмы структурирования общества. Подлинное наполнение дискурса власти жизнью равнозначно использованию этих механизмов. Это актуализирует задачу построения общей архитектоники политико-культурного развития, чтобы показать предназначение каждого из «частнологических» механизмов структурирования общества, а также понять их глубинную взаимосвязь. Причем построение нужно начинать с того, что идет «естественным путем» и заканчивать тем, что «требует усилий».

В результате получается следующая архитектурная цепочка, имеющая внутреннее единство:

- общая логика (доминирование инвариантных коммуникаций по линии «власть-общество»);
- формальная логика (доминирование «вечных» проблем в интеракции власти и общества);
- содержательная логика (доминирование цивилизационных и исторических стилей властного структурирования общества).

В рамках *объективно-логической шпостаси политико-культурного развития* власть и общество оказываются настолько глубоко вовлеченными в систему коммуникаций (отношений), что «растворяются» в ней, становятся «невидимыми». Постоянно воспроизводимый инвариант данной системы включает коммуникации по вертикали (политические), горизонтали (социальные), а также синтезирующие (культурные). Здесь отношения в рамках каждой составляющей, а также между ними становится движущей силой развития. По мнению К. Ясперса, безграничная готовность к коммуникации является не следствием знания, а решением вступить на путь человеческого бытия³.

Коммуникации по вертикали в наибольшей степени пронизаны политикой, так как условием своего существования подразумевают наличие активной и пассивной сторон социальной интеракции. Активной стороной является не та, которая находится на вершине социальной пирамиды (занятие высоких государственных постов и т.д.), а та, которая берет на себя инициативу, формулирует цели и выбирает средства их реализации. Политика, таким образом, это реальное, а не декларативное влияние одних социальных агентов на другие в соответствии со сложившимся статус-кво.

Коммуникации по горизонтали имеют ярко выраженную социальную подоплеку. На первый план выходит признание взаимозависимости «всех участников» на основе вошедший в плоть и кровь простой истины: «одно подразумевает другое». *Синтезирующие коммуникации* выступают в культурной оболочке, они «невидимы», неосязаемы, но без них общество становится рыхлым, аморфным образованием – обществом «без названия», что сродни его отождествлению с охлосом, толпой, ордой и т.д. Главное их предназначение – давать обществу ориентиры ценностного плана, служить в качестве смыслообразующей силы.

² См.: Философский словарь. М.: Политиздат. – 1991. – С. 228.

³ См.: Ясперс К. Философская вера // Смысл и назначения истории. М.: Политиздат, 1991. – С.442, 508.

Социальное «отягощено» не только физическими явлениями (конкретными людьми, социальными группами, эмпирически фиксируемым образом жизни), но и психологическим фактором – субъективным «прочтением» социальной физики, что, в свою очередь, предполагает его объективацию – перевод в символическую форму с целью достижения «смыслового стыка» как в рамках одного поколения («современники»), так и применительно к различным поколениям и историческим эпохам («предки»-«современники»-«потомки»). Поэтому «только тот факт, что «позади» этих физических явлений предполагаются психические переживания, – только тот факт делает их «социальным явлением». Где такой подразумеваемости нет – нет и социального факта... «Материальные вещи» – суть «социальные ценности» лишь благодаря тому, что объективируют психику: определенные мысли, чувства и т. д. В этом смысле вполне правильно определить их как застывшую психику... Каждое психическое взаимодействие имеет две стороны: одну внутреннюю – чисто психическую, другую – внешнюю – символическую; первая для нас непосредственно не дана, а дана всегда лишь в виде символов... Для возможности правильного психического общения... необходимо еще одинаковое понимание самих символов, объективирующих душевное состояние. Где этой тождественности нет – нет там, по существу, и социальной группы».⁴

Социальные отношения неизбежно должны принимать символическую форму, что выводит на первый план проблему универсализации значений используемых символов. «Без компонента значения, – подчеркивает П. Сорокин, – все социокультурные явления становятся чисто физическими или биологическими... Значения, ценности и нормы являются универсальным компонентом социокультурных явлений и имеют первостепенную важность для понимания структурных и динамических свойств и причинных отношений внутри этих явлений»⁵.

Политическая составляющая дискурса власти зависит от социальной его составляющей, ибо постоянно требует «другого», которым можно управлять. Без соотнесения одного (властвующего) с другим (подчиняющимся) политика вообще немислима. В то же время без ценностных ориентиров, задаваемых культурой, политика превращается в чистую технологию и, по сути, становится тавтологичной, когда воздействие осуществляется не ради реализации целей и ценностей, способных объединить сцементировать общество, сделать его управляемым, а ради самого воздействия. В связи с этим аксиологичность становится неотъемлемой характеристикой политического бытия.

Социальная составляющая властного дискурса, признавая тотальную взаимообусловленность и взаимозависимость общественных процессов, в свою очередь получает импульсы от политики. Социальные связи основаны не только на симметрии взаимовлияния ее участников, но и на асимметричности данного процесса. Поэтому одни социальные субъекты играют роль ведущего, другие – ведомого, что неизбежно политизирует социальные отношения. Атрибутивный же характер культурной детерминации обусловлен тем, что потеря ценностных (культурных) ориентиров уподобляет социум кораблю «без руля и ветрил».

Наконец, культурная составляющая дискурса власти зависит от политики в том смысле, что, будучи «невидимой силой» общества, она нуждается в видимой силе, способной упорядочить ценностный хаос. И это вмешательство оправдано, так как предохраняет общество от духовной деградации. Причем это вмешательство может быть не только «извне» – со стороны государственных структур, но и «изнутри» – со стороны отдельных представителей или групп культурной элиты. А социальная составляющая дискурса власти становится детерминантой культуры по причине того, что сами ценности, нормы и т.д. являются результатом социального взаимодействия, заполняя пространство общественного и индивидуального сознания. Культура существует не сама по себе, а «светится» через социум, приобретая материализованные очертания. Объективная логика политико-культурного развития, таким образом, показывает, что каждая его составляющая, не существует в чистом виде, а проявляется через другую, становящуюся необходимым моментом ее бытия.

⁴ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. – С. 41-42, 50.

⁵ Там же. С. 201, 205.

Формальная логика политико-культурного развития замыкается на «вечных» проблемах, которые должны решаться в процессе властного структурирования общества. Как известно, в формальной логике главным является соблюдение правил, нормативов и т.д. Применительно к политико-культурному развитию «нормой», на которую нужно ориентироваться, становятся *проблемы*, одинаково важные в любую историческую эпоху. Сам факт, что их нельзя избежать, придает им статус «вечных» проблем. Проблемное поле политико-культурного развития в историческом ракурсе включает триаду «интеграция – легитимация – идентификация».

Проблема интеграции затрагивает, с одной стороны, необходимость обеспечения единства общества, предохранения его от сползания к состоянию охлоса, а с другой – налагает на власть миссию «раствориться» в обществе, сделаться диффузной. Именно данное качество власти, по мнению М. Фуко, есть ее подлинное бытие. Интеграционная ангажированность политико-культурных процессов ставит власть перед задачей управлять обществом, не возвышаясь над ним. Социум в данном контексте апеллирует в значительной степени и к носителям официальной власти (должностным лицам), и к авторитетам, выступающим зачастую уже не в институциональном, а в персональном (харизматическом) качестве, что позволяет большинством граждан рассматривать их как «своих». Поэтому общественная жизнь развивается, структурируется и переструктурируется не только как результат давления извне (со стороны институциональной власти), а вследствие импульсов, исходящих из ее культурных глубин. Таким образом, здесь сохраняется асимметрия влияний, но они приобретают ярко выраженную *социальную подоплеку*.

Проблема легитимации имеет отношение к постоянной борьбе властвующего субъекта за производство и воспроизводство общественных отношений, гарантирующих устраивающее его статус-кво. В свою очередь сторона, олицетворяющая демос ожидает от власти доказательств ее эффективности. Это выступает как естественное (измеряемое на уровне общественного мнения) право народной массы на вынесение вердикта той силе, которая делегирована выполнять упорядочивающую функцию. Проблема легитимации вследствие этого приобретает однозначно *политический характер*.

Проблема идентификации подразумевает поиск ценностей (идеалов), способных стать высшим духовным регулятивом власти и общества. Как известно, термин «идентификация», введенный в оборот З. Фрейдом, означает процесс эмоционального и иного самоотождествления индивида с другим человеком, группой, объектом. В рамках политико-культурного развития актуализация данной проблемы равнозначна поиску той духовной силы, которая смогла бы объединить, сцементировать стремление к порядку и ориентацию на развитие самостоятельных начал. В этом поиске власть и общество «едины», так как отсутствие сплачивающей общей ценности (национальной идеи) ставит под вопрос само их существование. В этом смысле они обречены на сотрудничество, ибо в случае нерешенности этой проблемы власть как упорядочивающая сила теряет способность четко обозначать перспективы обуздания стихий, коренящихся в социуме, а сам он становится конгломератом «без названия». Действительность предстает таковой, что граждане либо не понимают, к какому «изму» они принадлежат, либо запутываются в многочисленных «измах». Проблема идентификации, таким образом, выводит на первый план *культурную составляющую* общественного бытия.

Признавая объективную равнозначность (быть атрибутом политико-культурного развития) каждой из трех проблем, необходимо подчеркнуть разную степень их актуальности на субъективном уровне.

Наиболее «спокойно» воспринимается проблема интеграции, когда необходимо реагировать на сложившееся статусное, имущественное, территориальное и иное размежевание в обществе. Проблема интеграции – это болезнь общественного организма, которую можно излечить на основе привлечения всего потенциала власти. Поэтому доверие к упорядочивающей силе, будь это сила директив или смыслообразующих символов достаточно велико. В массах широко распространяются ожидания того, что вмешательство власти – решающее условие достижения интегрированности общества. Более болезненно воспринимается проблема легитимации, показывающая возросшую степень недоверия населения власти. С одной стороны, это проблема власти (точнее, ее носителей), а с другой – общество лихорадит из-за ощущения того, что ключевой его структуратор

(власть) оказался функционально неэффективным. Наконец, проблема идентификации (кризис идентичности) может считаться вершиной кризисного развития общества, так как она затрагивает уже не политические и социальные, а цивилизационные (культурные) его основания. Кратический и социумный акторы бытийствуют не «вообще», а в определенном качестве, предполагающем соответствующую цивилизационную оболочку. Нерешенность идентификационной проблемы – это разрыхление данной оболочки, грозный симптом того, что у общества и власти данного цивилизационного ареала нет будущего.

Анализируя проблемное поле взаимодействия упорядочивающей и стихийной сил можно сделать вывод, что в одном случае власть вынуждена *растворяться* в обществе – и это самый весомый вклад в решение проблемы его интеграции, так как здесь принуждающие технологии подкрепляются мотивирующими рычагами воздействия. В другом случае власть выступает *против* общества в том смысле, что она считает себя носителем «истины в последней инстанции». Поэтому она постоянно должна обосновывать свои претензии, придавать им легитимный характер. В третьем случае власть ориентируется на союз с обществом. Причем не имеет значения, какие социальные силы воплощают энергетику кратоса. Общество и власть вынуждены стать единым целым перед лицом грозной опасности – отсутствием сплачивающей ценности (национальной идеи). Неудача в поиске ключевого идентификатора равнозначна их смерти, но не в физическом, а прежде в цивилизационном отношении. Точнее, один цивилизационный код сменится другим с последующей цепной реакцией, которая захватит все сферы бытия главных акторов – власти и общества.

Рассмотренный выше формально-логический уровень политико-культурного пространства взаимодействия социума и кратоса обретает «плоть» на уровне его *содержательной логики*. Здесь на первый план выступает *стиль* властного структурирования общества, воплощенный в политико-культурных парадигмах⁶.

Политико-культурное развитие общества на парадигмальном уровне характеризуется амбивалентностью – совмещением непреходящих и преходящих моментов его бытия. Первый имеет отношение к цивилизационной (архетипической)⁷, а второй – к историческим (модусным) парадигмам.

Парадигма-архетип – это изначально заданная предрасположенность власти к структурированию общества по определенным цивилизационным алгоритмам. Причем, силы (акторы) структурирования не столько осознают данные импульсы, сколько просто оказываются под воздействием их стихии.

Но политико-культурное развитие обусловлено не только фундаментальными цивилизационными *основаниями* (парадигмами-архетипами), но и конкретно-историческими условиями, формирующими *стиль* и *способ* структурирования общества (историческими парадигмами). В этой связи политико-культурное развитие как интеракция власти и общества включает фундаментальную (цивилизационную) парадигму, являющуюся его инвариантом, и исторические (актуализированные в определенные исторические эпохи) парадигмы как ее модификации.

Цивилизационная парадигма политико-культурного развития общества является его *фундаментом*, она изменяется, трансформируется гораздо медленнее, чем модусные

⁶ Понятие парадигмы первоначально означало признаваемые всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решения (См.: Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. – С. 11). В дальнейшем сфера употребления данного понятия расширилась и оно стало характеризовать не только спекулятивно-научное, но и духовно-практическое отношение человека к миру.

⁷ Архетипы – это формы (идеи) психики, носящие схематический характер и не имеющие внутреннего содержания, но способные оформляться в конкретные представления тогда, когда они проникают на сознательный уровень (См.: Юнг К. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. – С. 64-65, 97-98.). Данная трактовка архетипов может служить методологическим ориентиром при условии ее «очищения» от психологизма, то есть отказа от исключительно перцептивных интерпретаций. Исходя из этого, напрашивается понимание архетипов как структурирующих (перво)образцов, сформированных определенной культурно-исторической средой и оказывающих детерминирующее влияние на процессы общественного развития.

парадигмы, призванные «откликаться» на вызовы конкретно-исторической эпохи и становящиеся своеобразными ее *технотипами*. Поэтому в рамках одной парадигмы-архетипа могут присутствовать несколько сменяющих друг друга парадигм-технотипов. Политико-культурное развитие – это переход от одной парадигмы-технотипа к другой при неизменности парадигмы-архетипа, являющейся цивилизационным кодом данного общества.

Формируются своеобразные «зоны парадигмальной ответственности». Предназначение исторической политико-культурной парадигмы – *воспроизводить механизмы поддержания целостности общества*, что подразумевает в зависимости от социально-исторического контекста использование властью широкого спектра способов и средств воздействия, начиная от грубого насилия и заканчивая изощренными технологиями манипулирования сознанием и поведением людей. Прерогатива архетипической парадигмы – «отвечать» за *жизнеспособность* общества. Ее сила заключается в потенциале ассимиляторства, то есть в способности заставлять «электроны» (различные обстоятельства) двигаться вокруг «ядра» (основного замысла).

Интеракция власти и общества в контексте политико-культурного развития образует архитектурно-технологическую целостность, когда один структурирующий механизм не просто сменяет другой, а, надстраиваясь над ним, использует его как условие своего существования. Содержательная логика, венчая архитектурно-технологическую пирамиду, требует выхода на цивилизационные и исторические характеристики (парадигмы) уже не общества вообще, а конкретного общества. В этом случае социально-философский подход нивелируется, а точнее, становится менее выраженным и очевидным, трансформируясь в сугубо социологические, исторические и иные конкретно-научные трактовки данной проблемы.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977.
2. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992.
3. «Технология власти» (философско-политический анализ)/ Отв. ред. Р.И. Соколова. – М.: ИФРАН, 1995.
4. Юнг К. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991.

POWER AND SOCIETY: INTERACTION IN THE LIGHT OF POLITICAL AND CULTURAL ASPECTS

V.A. NOSKOV

*Belgorod State National
Research University*

e-mail:noskov@bsu.edu.ru

The article shows the interaction of power and society in the light of political and cultural vision. The author claims that power and society represent the reality that is integrated and is heterogeneous and is constituted on the foundation of relativistic principle. In this respect a political and cultural factor as a structural direction for society is characterized.

Keywords: authority, society, interaction, discourse, politics, culture, integration, legitimation, identification, paradigm, archetype, technotype.